

ЯЗЫКОВЫЕ ФУНКЦИИ ОМОНИМИЧНЫХ ПОНЯТИЙ В ЯЗЫКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Чепурина И.В.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А (корпус 1), e-mail:iren555stav@yandex.ru

Данная статья посвящена омонимичным окказиональным понятиям в языке немецкой философии, и в частности экзистенциалистских текстах М. Хайдеггера, как вербализации особых форм мышления и как одному из аспектов порождения новых лексических единиц с развернутой смысловой структурой. В статье обсуждаются прагматические особенности функционирования омонимов немецкого языка экзистенциальной философии с точки зрения деформации структурного состава омонимичных понятий с параллельно существующими и употребляющимися в различных контекстах лексемами с многозначными компонентами. Продуктивность подобного способа образования новых понятий обнаруживается в том, что среди терминов экзистенциальной философии существует достаточно много не зафиксированных в лексикографических источниках окказионализмов, возникающих в речи соответственно намерениям адресанта и выполняющих особые функции в текстах – ироничность и языковая игра являются одними из наиболее значимых аспектов образования омонимов в ткани философского текста.

Ключевые слова и фразы: омонимия, металогика, сдвиги в семантических полях, компонентный состав, трансформация смысловой структуры.

FUNCTIONAL YIELD OF THE OMONIMIC NOTIONS IN THE LANGUAGE OF EXISTENTIALISM

Chepurina I.V.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkina st. 1/A (building1), e-mail:iren555stav@yandex.ru

This article is devoted to homonymic occasional notions in the language of German philosophy, and existentialistic texts of M. Heidegger inter alia, as the verbalization of specific way of thinking and one of the main aspects of new lexical units derivation with extensive sense structure. The pragmatic features of German philosophical homonyms functioning in the context of component deformation of the homonymic notions with parallel to existing and applied in different contexts lexemes with polysemous elements are discussed in the article. The Efficiency of the analyzed type of new notion derivation is defined in the following, there are many occasional words not recorded in lexicographic sources amount the terms of existential philosophy, which are arising in the speech acts according to intentions of the sender and discharging special functions in texts – irony and language game are the most significant aspects of homonyms derivation in the philosophical text.

Keywords: homonymy, metalogic, semantic field shift, volume components, sense structure transformation.

Не нуждается в доказательстве факт постоянного обновления лексического состава языка, как быденного, так и языка специального, в частности языка философии: устаревшая лексика может пойти двумя путями, либо выходя из употребления, либо не являясь в полной мере устаревшей, изменять свою функциональную нагрузку, соответственно меняя и значение как лексемы, так и её структурных компонентов, рождая новые оттенки смысла, при этом имеющееся и функционирующее в других контекстах образование сохраняет исходный смысл и аллюзивно сопутствует новому значению в новом контексте, появляются омонимичные понятия, которые, однако, несут различные оттенки значения. В процессе подобного развития лексического состава определенных областей знания немаловажную

роль играет не только словообразование, но и другие способы изменения функциональной нагрузки окказионализмов: «переосмысление морфологического состава, сдвиг в семантических полях и актуализация периферийных нозм в суперконструкте смысла» [3].

Известно, что с изменением различных форм жизни меняется и наибольшая часть языкового материала с течением времени. Она меняет своё значение, своё глубинное содержание, посредством переосмысления, в то время как её звуковые формы остаются в принципе одними и теми же. В языкознании различные изменения в значении проводятся, как правило, на основе слов, при этом влияние одного единственного продуцента или же реципиента чаще всего не учитывается. Это говорит, прежде всего, о том, что в отношении общих изменений единичный речевой акт является малозначимым и ничего с собой не несущим, однако открывающим новый путь творимости, идущий трудным путем реализации потенциальных, дремлющих сил языка, включающих в игру со смыслом аспекты новума, творимости, интенциональности. Но по закону слово, изменяя своё значение, меняется само как таковое. Это значит, что слово воспринимается как неразделимое единство звуковой формы и внутреннего содержания. Слово, при изменении своего значения, не остается тем же самым, даже если его звуковая форма не изменяется. Незыблемость сохранения этого закона, как закона сохранения и превращения массы и энергии, видно на примерах из экзистенциалистских текстов М. Хайдеггера. И все же мы должны некоторым образом ограничить справедливость данного утверждения. Не каждое изменение значения – есть изменение слова, изменение компонентного состава звуковой формы. Так, например, некоторые слова с течением времени приобретают новые оттенки, а, возможно, и некоторые уточнения в смысле, однако при рассмотрении их в системе омонимов и аспекте полисемии, в схожем контекстуальном окружении они остаются теми же самыми лексемами. В философских же терминах и в нашем случае в текстах экзистенциалистского направления они претерпевают некоторые и довольно значительные изменения и дополнения, так как с течением времени они распространяются на все более широкий круг смысла или же изначально не имеют той дефинитивной определенности, которая присуща им впоследствии. Это и есть ограниченные термины или же дефиниция, определение. Но Вайсгербер даёт описание дефиниции как некое объяснение.

Здесь не идет речь о том, чтобы приписать имеющемуся слову и им обозначенному феномену некоторую определенность, а скорее дать некое словесное выражение новому феномену. Именно в этом втором смысле мы и понимаем изменение значения уже имеющейся формы слова, как нечто содержательно-нового и как границу возможности индивидуального стиля легко проследить на примере текстов Хайдеггера. При этом в мутации или полном изменении значения присутствуют определенные языковые

возможности: содержательное уточнение – уточнение или конкретизация некоторой терминологической единицы (а значит, образование омонима к уже существующему термину или понятию). «Подобный прием встречается во многих философских трудах и понимается как дефиниция, таким образом, оно не создаёт новых слов. Ему противостоит сдвиг содержания в той же звуковой форме, или же наполнение той же звуковой формы новым содержанием. При этом внутренние связи между старым и новым содержанием теряются и появляются два новых взаимозаменяемых слова. В этом случае в семасиологии говорят о переносе значения (Bedeutungsübertragung) (Bedeutungswandel), если подобный перенос совершается осознанно, то он, конечно, может служить терминологическим целям» [4, с.138].

Во многих философских текстах, и в частности в экзистенциалистских текстах М. Хайдеггера, реципиент, обладающий навыками герменевтического понимания и применяющий распрямляющий его тип, часто сталкивается с ситуацией амфиболичности, двойственности или же многогранности смысла высказывания, при этом не совсем ясным остается вопрос о том, какое же значение в том или ином контексте является преобладающим, здесь на помощь и приходит анализ функционально-прагматических особенностей той или иной лексемы. При этом не стоит думать, что это некая полисемантическая лексема, это именно омонимы естественного, бытового языка и языка экзистенциальной философии, ведь они образованы абсолютно по-разному, возьмем, например, высказывание: *Wiederholung der Fragen nach dem Sinn*. Оно не имеет ничего общего с повторением, или же повторной проработкой вопроса о смысле, хотя само построение фразы не предоставляет, казалось бы, иных возможностей для декодирования смысла. Однако необходимо, применяя механизмы распрямляющего понимания, обратиться к фоновому опыту и раннему творчеству М. Хайдеггера, который в своей работе «Кант и проблема метафизики» уже употребляет данное понятие в следующем пассаже: *Unter der Wiederholung eines Grundproblems verstehen wir die Erschliessung seiner ursprünglichen, bislang verborgenen Möglichkeiten, durch deren Ausarbeitung, es verwandelt und so erst in seinem Problemgehalt bewahrt wird*. В данном контексте *Sinn*, и само общее понятие *Frage nach dem Sinn* для М. Хайдеггера выступает главной проблемой метафизики, что дает возможность прочтения данной фразы с другим ударением. А именно в рассматриваемом нами понятии *Wiederholung* следует ставить ударение на первый, а не на третий слог, как бы разлагая его на этимологические компоненты, образуя новую отделяемую приставку. Лексема *Wiederholung* понимается в данном конкретном случае как *Zurückholung*, и цельнооформленная фраза имеет смысл *Wiederzurückholen der ursprünglichen Frage*. Тут и проявляется вся амфиболичность данного понятия, ведь для любого немецкоговорящего реципиента

параллельно с вновь созданным омонимичным понятием *Wie'derholung* существует и узуальное *Wiederho'lung*. Реализуемый в высказывании окказиональный экзистенциальный смысл ни в коем случае не нивелирует обыденного узуального значения *Repetition der Fragenachdem Sinn*, имеется в виду *So oft sie gestellt worden ist sie muss dennoch wiederholt werden, u более mozo, siemussals diese Repetition aus den geschichtlichen Anfängen der Fragein ein er besonderen Art wiederholt warden*. «Если мы так сформулируем это высказывание, то неожиданно возникает исходный пункт подобной амфиболичности в восприятии смысла, а именно два формально почти одинаковых слова, одно с отделяемой, другое с неотделяемой приставкой. Второе образует уже известное слово, из первого же только можно образовать субстантивированный инфинитив, что и делает Хайдеггер» [3, с. 183].

Хайдеггер воплотил оба содержания в одной форме, можно сказать, что два слова, в этом случае они различаются лишь ударением, разделяют одну форму. Таким образом, автор получает омоним, которых много в каждом языке. Как ни странно, омонимы рассматриваются как два слова в одной и той же форме, в то время как слово есть единство звуковой формы и содержания. Существует так же мнение, что это одно слово с несколькими значениями. Но за первую дефиницию говорит тот факт, что в нормативном употреблении омонимы никогда не ведут к недопониманию, таким образом, говорящий всегда находит нужное ему содержание. Когда мы имеем дело с подобной шуткой *der Führer einer verirrtten Karavanne in der Wüste entzündete eine letzte Zigarette machte einen langen Zug und alle fuhren darin sicher nach Hause*, мы имеем дело как раз с омонимом слова *Zug*. Практически все языковые шутки построены этим способом, на основе омонимов. Подобным же образом строится и «языковая игра» в текстах Хайдеггера, хотя она более абстрактна. Задача подобных омонимов, несмотря на их шуточное или серьёзное употребление, состоит в том, что можно два содержания передать в одном слове. Это ясно по хайдеггеровскому *Wiederholung*.

Хайдеггер, конечно же, не занимается игрой слов или шуточным восприятием такого слова, в его трудах нет места, которое позволяет думать об этом. Какая же мотивация объясняет употребление таких слов у Хайдеггера? Конечно же, не экономия языка, так как было бы бессмысленным производить одно предложение, не производя второе, и тем самым подвергаться риску недопонимания. Рассмотрим некоторые примеры: *Das Ausgesagte als Mitgeteiltes, kann den Andern mit dem Aussagenden geteilt werden...* [10, с. 155], *Unheimlichkeit meint aber dabei zugleich das Nicht-zuhause-sein* [10, с. 188], *In dieser Art des Stellens bekundet sich das eigentümliche Vor-stellen des Denkens* [10, с. 35] и так далее.

Можно многое почерпнуть из этих примеров, автор даёт много выразительных указаний на то, что он понимает слово и во втором нормативном его значении. Он имеет в

виду, что слово должно значить и ещё нечто. Если же понимание внутренней формы слова затруднено для его улучшения, Хайдеггер использует написание через дефис. Это прекрасно видно во втором и третьем примерах, где основное слово сохраняет своё нормальное содержание и понимается в некоем втором смысле. В противоположность к этому уже упомянутое *Wiederholung* не имеет указания на второй смысл, и поэтому в двойном смысле вначале остаётся непонятым. Поэтому кажется, что всем описанным в данном разделе примерам должно предшествовать некое указание на изменение смысла слова. Хайдеггер никогда не забывает указывать на подобные изменения в содержании слова. Иногда он делает это с помощью дефиниции, где рассматривает содержательные изменения. По приведённым примерам видно, что Хайдеггер выражает так называемый второй смысл для того, чтобы достичь определённого понимания его слов.

«Нормативный аспект значения слова в философском тексте определяется постоянным «размыванием» значений слов, что приводит к постановке следующих вопросов: «как в принципе возможно философское языковое мышление?»; «какие языковые возможности в плане нарушения традиционных языковых норм и правил существуют для осуществления философского движения смыслов?» (4, с.220-221). А как мы знаем в философии гораздо важнее правильно поставить вопрос, нежели плутать в дебрях языковых проблем, пытаясь ответить на неверно и чаще всего многозначно сформулированный вопрос.

Давайте отвлечёмся от того, что автор не ищет уже имеющийся омоним в языке, а по-новому создаёт его, кроме как в последнем примере. Так, допустим *Unheimlichkeit* есть чувство *Angst*, а также некоторый род *Heimlosigkeit*. *Vorbild – Prototyp, Beispiel*, а также *vorgegebene Blick einer Sache* или же *der Anblick*. Однако если Хайдеггер вкладывает двойной смысл в какое-то слово, для этого должны быть причины. Мы находим, что он хотел свести понимание множества вещей к коэнценции, независимо от того, видел ли он их внутреннюю сущностную взаимосвязь или же с помощью их совмещения в одном слове хотел решить какие-то свои проблемы. Первое намерение, конечно же, более принципиально, важно и интересно, что можно установить в использовании языка Хайдеггером, так это то, что он попытался привести в языке в соответствие то, что и в действительности является конгруэнтным. Здесь лежит основное различие с омонимичными шутками. Игра Хайдеггера заключается в том, что с помощью омонима он пытается представить общие в действительности явления, которые в языке не имеют ничего общего, хотя по идее должны иметь. Можно возразить, что в нормативном языке это является обычным и достаточным. Ведь просто увидеть в третьем примере, что субъекты обоих предложений являются идентичными, или могут быть поняты как таковые. Фактически это соответствует обычным притязаниям на конкретность. К примеру, если даётся некоторые

указания: А и В являются или же имеет под собой в виду одно и то же, они идентичны. Но здесь не рассматривается, что этот узуальный образ языка привносит с собой некоторые импликации, которые влияют на восприятие вещей. Конечно же, не всё равно, а в языковом смысле это достаточно логично, что две вещи выражаются синтетически в одном или аналитически в разных словах, даже если в свободном говорении подобные различия игнорируются или не принимаются во внимание для лучшего понимания. Лежащий в основе второй мотив оправдывает следующее предположение, что и аналитическое сепаратное представление во многих предложениях играет ту же роль. Здесь имеет значение то, что мы указали как характерное для омонимических шуток, т.е. неожиданность. Философ также может использовать этот момент неожиданности для того, чтобы возбудить у слушателя любопытство. Нельзя в этом случае не согласиться с утверждением, что любое мышление строится, прежде всего, на удивлении. Здесь слушатель вводится в состояние внимания, которое делает его восприимчивым для следующих мыслей. Однако это искусственное привлечение внимания имеет и некоторые негативные последствия, многие люди не любят находиться в замешательстве, они реагируют на подобные провокации, апеллирующие к их чувству языка, или другие похожие помехи неприятием.

Если бы эффект неожиданности был единственным обоснованием подобных языковых изысканий, то это не оправдывало бы столь частое их использование у Хайдеггера. Более влиятельными являются другие обоснования. В любом случае нельзя отрицать «языковую игру» и даже языковую шутку как обоснование для использования подобных омонимов, в частности, омонима *versehen* в последнем приведённом примере. Тем более, что он не выражает каких-либо особых отношений, даже с учётом употребления рядом двух слов *versehen in, versehen mit*.

В целом ироничность экзистенциалистского текста всегда должна рассматриваться в русле интенциональности автора и его попытки создать некий удобоворимый язык для вербализации особого типа мышления. Как отмечает в частности Л. Витгенштейн в своих работах, «болезни, связанные с переутомлением и пресыщенностью, излечиваются со временем переменой образа жизни. Заболевания философии также могут быть излечены только изменением стиля мышления и жизни, а не медицинскими средствами». Ирония, таким образом, оказывается не методом теоретического исследования, а инструментом философской практики. Практикующий философ – не врач-целитель, не «интеллектуальный полицейский» [цит. по Schöfer, с. 237], он является скорее экспериментатором, поднимающимся над обыденным сознанием, над обыденным языком и «как изменяются свойства объекта наблюдения в квантовой механике при введении реципиента или же исключении его из системы описания, так изменяются и грани смысла при введении

констант интенциональности, субъективности и ситуативности» [3, с. 298]. Ироничность и интенция в рассмотрении феноменов, его феноменологическая рефлексия дает возможность подняться над любым модусом рассмотрения реальности, являет собой универсальный способ преодоления догматизма и закостенелости – вне зависимости от того, философский ли это догматизм, языковой, идеологический и т.п., либо это просто некое закостенение рассудочности.

Список литературы

1. Ахутин А.В. Dasein (материалы к истолкованию) // Логос. – № 5–6. – 2000 (28). – С. 89-123.
2. Бибихин В.В. Язык философии. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – 416 с.
3. Бредихин С.Н. Ноэтическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации: монография. – Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. – 392 с.
4. Бредихин С.Н. К вопросу о феномене «языковой игры» философов и писателей. (введение в теорию «Языковых игр» Л. Витгенштейна и практические исследования на материале философских текстов М. Хайдеггера). – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2005. – 246 с.
5. Подорога В.А. Erectio. Геология языка и философствование М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М.: Наука, 1991. – С. 102-120.
6. Смит Б. К непереводаемости немецкой философии // Логос. – № 5–6. – 2000 (26). – С. 124-139.
7. Янко-Триницкая Н. А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 413-418
8. Burger H. Deutsche Sprachgeschichte und Geschichte der Philosophie // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. – Berlin – New York: W. de Gruyter, 1984. Halbbandl. – P.101-111.
9. Schöfer E. Die Sprache Heideggers.–Pfullingen: Günther Neske, 1962. – 312 p.
10. Heidegger M. Sein und Zeit. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag. – Elfte, unveränderte Auflage, 1967. – 450 p.

Рецензенты:

Чанкаева Т.А., д.фил.н., профессор, профессор кафедры связей с общественностью ННОУ ВПО «Институт Дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь;

Манаенко Г.Н., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой иностранных языков ФГАОУ ВПО
«Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.